

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки, уже губернии Томской, по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. Тридцать три с половиной версты заснеженной, ветряной, унылой — когда белая пустынь сливается с неприветливым бесцветным небом — степи. И лишь темная ниточка наезженной колеи выдает некоторое присутствие человека в тех почти безлюдных местах.

И букашка широкого и валкого, поставленного на полозья, угловатого дормеза, запряженного тройкой исходящих паром, утомленных лошадей. Возница, по заиндевелые брови закутанный в обширную овечью доху, едва держащий застывшие вожжи — куда они денутся из траншеи на топтанного тысячами копыт тракта, еле слышно мурлыкающий какую-то заунывную стародавнюю ямщицкую дорожную песню. Глухо поскрипывающая упряжь и три сильные, непривычные к тяглу, лохматые неказистые лошадки.

И скрип снега, снега, снега...

И сведенные судорогой ужаса до хруста зубовного челюсти пассажира теплой кареты. Забывшееся в угол сознание бывшего хозяина молодого и крепкого тела, тихо подвывающее рваные слова молитв на латыни.

И я. Торжествующий, вновь почувствовавший биение жизни, дышащий, потеющий в богатой бобровой шубе. Я — захватчик. Я — давным-давно умерший в несуетном будущем для этого мира, целую вечность обретающий в бесцветном Ничто, среди стенающих от безысходности осколков человеческих сущностей. И, наконец, я — пробивший незримую пелену, просочившийся, страшной ценой прорвавшийся к жизни, к свету, к искуплению...

1. 19 февраля

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки, уже губернии Томской, по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. И через каждую из них у дороги, черными и белыми полосами из сугроба, кланяясь немилосердным ветрам и лихим людям, вкривь и вкось торчали верстовые столбы. Кому — знаки отчаяния — все дальше и дальше уносила дорога от родимой стороны. Кому — пища для нетерпения — все ближе и ближе конец пути.

Тридцать три с половиной версты. Из них двадцать две по тобольской земле. А уж остальное — по томской.

Завозился, заерзал возница на облучке тяжелой кареты, разглядев знакомые цифры. Сунул нерешительно локтем в кожаную стену дормеза, а потом и, выпростав руку в рукавице, застучал по крыше. Закашлял. Обмахнул сквозь облако пара рот, перекрестил, да и гаркнул так, что лошадки вздрогнули и побежали живее:

— Прибыли, барин! Уж тепера до дома чуть осталось. Томска губерния началась!

И степь, на сотни верст безлика и однообразная, придавленная сажеными сугробами, тут же изломалась утесами, изогнулась промоинами истоков знаменитой реки, на берегах которой хранит зимние квартиры русского сибирского войска генерал-губернаторский Омск. А вдали, на самом горизонте, да с облучка-то разглядишь, уже завиднелась тонюсенькая полоска Назаровского леса.

«Слышь, как-тебя-там, — мысленно обратился я к бывшему единоличному хозяину тела. — Мы куда едем-то?»

— Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония мои, — шептали мои губы. Наверняка ведь слышал вопрос, а ответить побрезговал. Пришлось приложить усилия и запретить губам бормотать всякую ересь.

«Омой меня от всех беззаконий моих, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я знаю, и грех мой всегда предо мною. Пред Тобой одним согрешил я, и злое пред Тобою сотворил я, так что Ты прав в приговоре Своем и справедлив в суде Своем. С самого рождения моего я виновен пред Тобою; я — грешник от зачатия моего во чреве матери моей», — причитания страдальца продолжились внутри нашей общей головы. Причем у меня создалось стойкое ощущение, что произносится молитва уж никак не на русском языке.

— Едрешкин корень, я что это? Нерусь какой-то?

— Schlafen Sie, Herrmann. Dieser unendliche Weg... — густым грудным басом вдруг заявил сиящий было на диване напротив благообразный седой старик. Приоткрыл мутные выцветшие глаза и тут же снова засопел, вызвав у меня нервное беззвучное хихиканье. Я прекрасно понял старца. «Спите, Герман. Эта бесконечная дорога» — вот что он сказал! А уж Das Deutsche ни с каким другим языком точно не спутаешь!

Мама моя родная! Я вселился в немца, и путь мой лежал в Томскую губернию.

«Высочайшим повелением Его Императорского Величества, назначен исправляющим должность начальника губернии Томской», — самодовольно протиснулась мысль туземного разума сквозь шелуху лютеранских псалмов. И в тот же миг я понял, вспомнил, осознал, что зовут меня теперь Герман Лерхе. Дворянин. Батюшка, Густав Васильевич, из обрусевших прибалтийских немцев, служит в свите какого-то герцога в столице. Старший брат, Мориц, по воинской стезе пошел. Сейчас в Омске, готовит свой отряд к летней кампании... А я, Герман Густавович Лерхе, двадцати восьми лет от роду, а уже, стараниями отцовыми, действительный статский советник — вроде генерала. И новый губернатор Томска.

Ну, конечно! Почему я решил, будто у Него нет чувства юмора? Вернуть меня в то же кресло, из которого я уже однажды отправился в другой, скорбный мир. Отошел, прямо с рабочего места, так и не исполнив предназначение, Им мне уготованное. И был возвращен на дьявол знает сколько чертовых лет назад, но, по сути, в то же самое место. Усмешка Судьбы? Вот только не нужно побывавшему Там рассказывать про судьбу! Скажи это поганое слово, и пара миллионов лет в мире без времени тебе обеспечено...

От одного воспоминания зябко становилось и живот подводило...

Господи! Хорошо-то как! У меня снова был живот!

«Кто ты такой, дьявол слуга, что так смело поминаешь имя Господне?» — робко поинтересовался туземный разум с самой грани.

Дьявол? Ну, какой я, к чертям собачьим, дьявол? Если уж начать разбираться, то выйдет, что я скорее ангел небесный... Ну или почти ангел. Исправляющий обязанности, так сказать! Хи-хи. Поводырь я! Душу твою вести стану к... Ну, считай, к лучшей доле. Так что сиди и не дергайся, пассажир! Поделись памятью и получай удовольствие. Мне еще искупить предстоит... Ошибки прежней жизни нас злобно гнетут, едрешкин корень...

«А я? Моя бессмертная душа...»

Он не успел выплакаться до конца. Тяжелая пуля, по дыре в стенке кареты — этак граммов под сорок, преобольно чиркнула по щеке. И ушла в стенку переднюю. Прямо в спину вознице.

— *Schweinerei, wie schwer ist es, ohne Revolver zu leben!* — каркнул я, но подумал совсем другое. Вот это и был ответ на не до конца высказанный вопрос прежнего обитателя этого замечательного молодого тела. Божий Промысел, блин.

Между тем дормез принялся мотаться из стороны в сторону. Все говорил о том, что экипажем больше никто не управлял.

Старик неожиданно снововисто для его-то седин спустился на пол кареты. Из раскрытого саквояжа полетели прочь носовые платки, связки бумаг, какие-то лакированные коробочки и шелковые мешочки. Пока белому свету не был предъявлен изрядно поцарапанный, явно оружейный ящик.

— Револьвер Beaumont-Adams, — прогудел старый, как я теперь знал, слуга. — Батюшка ваш настоял. Сказывал — в дороге неминуемо пригодиться может. Дикие края...

Можно было бы поспорить с престарелым Гинтаром. Все-таки дорожный грабёж — какой-никакой, а признак цивилизации. Да только представители этой самой «дорожной» субкультуры, осмелевшие на столько, что поспешили стрелять в карету царева наместника, меня занимали гораздо больше. А ведь еще следовало разобраться с этим Beaumont-Adams. Что-то я не припоминал среди знакомых мне изделий господ Калашникова да Макарова чего-то с франко-аглицким именем. Пресловутый наган — и тот только в музее видел.

Кто сказал, что глобализация — изобретение двадцать первого века?! Это я, конечно, уже после выяснил, но топорно сработанный английский

пятизарядный пистоль с надеваемыми на штырьки внешними капсюлями оказался бельгийского производства. На патронах четко различались русские буквы, а на капсюлях — французские. Такая вот дружба народов, к Великому уравнивателю применительно.

Благо желтенькие цилиндрики оказались уже одетыми на запальные трубки. Сомневаюсь, что с ходу сообразил бы как это делается, мотаюсь от правой дверцы к левой по обширному кожаному дивану внутри кареты.

— Merci. Tu nous as sauvé, un vieil serviteur! — разрази меня гром, но в той непростой ситуации я почему-то перешел на французский. Причем был уверен — Гинтар поймет. Экий мне слуга-полиглот попался. В той-то жизни я из всех иностранных языков только русский-строительный знал. Он же русский-военный.

В дюймовую дыру в задней стенке дормеза злодей не просматривался. В малюсенькие, да еще и затянутые толстенным слоем изморози окошки различался только силуэт скачущего на лошади рядом с экипажем человека. Вероятность, что этот незнакомец — герой боевиков, спешащий на помощь попавшему в беду губернатору Томской губернии Российской империи, я счел исчезающе малой. А потому, ничтоже сумняшеся, долбанул из своего пистоля в кавалериста прямо сквозь стену.

И зря. Злыдень-то из театра теней исчез, но вот дверцу пришлось спешно распахивать. Порох в этой ручной мортире со стволом, куда легко входил палец, оказался черным. А значит — дымным. Судя по брызнувшим из глаз слезам, еще и ядовитым.

Возница был найден живым. Скрюченным, зажавшимся, плачущим от боли, но живым. Было бы время молиться — возблагодарил бы кого следует. Ибо кто бы мне еще подсказал, за что там нужно было дергать, чтоб остановить этот адский механизм в три лошадиные силы. Сам-то я в прошлом/будущем с конями только в виде колбасы умел обращаться.

Красивый у меня был мундир. Темно-зеленый, богато расшитый по обшлагам и стоячему воротнику. Два ряда золоченых пуговиц с имперской короной и еще какой-то штуковинной. Красивый, только несколько не теплый. Ледяной ветер пронизывал насквозь все это шитье с галунами. Перчатки из неправдоподобно тонкой кожи руки от холода вовсе не защищали. А тут еще леденочая рукоятка допотопного револьвера и мужик какой-то, прицепившийся на задке и пилящий ножом ремни, которыми сундуки да чемоданы привязаны были. Нет, ну каков нахал! Я, значит, простывай, а он — в меховом треухе и овчинном полушубке еще и скалился. Словно знал, что ненадежная техника осечку даст.

Думаете, легко взвести курок антикварного пистоля? Так-то ничего невероятного, кабы под ногами твердая земля, а не это шатающееся недоразумение на полозьях. Крепко держишь правой этого Адамса за рукоятку, а левой оттягиваешь назад тугую скобу.

Я бы в циркачи пошел, и учить меня уже не нужно! Смертельный номер: укрощение жертвы оружейного прогресса, стоя на крыше мчащегося экипажа. Жаль, зрителей было мало. Мужик в треухе даже ремень

пилить перестал, так его мои эквилибризы потрясли. Свинцовая пуля в 0,4 дюйма, конечно, тоже потрясающая вещь, но то не моя заслуга, а англо-бельгийской банды бракоделов. Злодея и трюх не уберег. Раскинул мозгами по Московскому тракту...

Их было трое. Как в сказке. Было у отца три сына... Тот, что оставался живым, видимо, у неведомого папаши был первым. Ибо — умным. Пальнул метров с двадцати из фузеи с каким-то уж совершенно невозможным калибром, убедился, что не попал, и поворотил коня. Логично! Человек с разряженным карамультуком времен царя Гороха всяко слабее другого с револьвером. Наверняка ведь и выстрелы успел посчитать, и, что у меня еще два выстрела на одну его душу, понять. И конь тут не плюс, а минус. Просто замечательная мишень.

Жаль, конечно. Животное-то ни в чем передо мной не провинилось. А что делать? Думаете, в той жизни у меня фамилия Иствуд была и я в состоянии со скачущей во весь опор кобылы из одного кольца тридцать человек перебить? Так я-таки открою вам глаза. Уважаемый Клинт тоже этого не мог. Кино это. По сценарию положено ополовинить злыдней за пять минут до конца фильма, значит, поправит ковбой шляпу и ну его палить... И какой из меня ковбой? Сомбреро у меня нет, на лошади ездить не умею и мундир совсем другой.

Грабитель послушно навернулся с падающей через голову коняги. И похоже, чего-то там себе повредил — так и лежал смиреннько, пока я не остановил свой сундук на лыжах и не отправился знакомиться.

— Посмотри, что там у возницы, — бросил я на ходу выбирающемуся из кареты слуге. Командовалось легко. Хоть в чем-то наши с туземным обитателем души оказались схожи.

Седой Гинтар успел накинуть мне на плечи тяжелую бобровую шубу, прежде чем кряхтя полез на облучок.

Пока шел, стало отпускать. Мороз пробрался в самые закутки одежды. Шел, все плотнее заворачиваясь в каким-то чудом сохранившую остатки тепла шубу. И думал о том, что нечего было пижонить и трястись в этом ящике на полозьях, вместо того чтоб покачиваться себе на диване в теплом вагоне. Чего это спрашивается мой подопечный не поехал к месту службы по железной дороге?

«Чугунке? — словно только того и ждал, откликнулся пассажир. — Так я и ехал. От Петербурга до Москвы. А потом до Нижнего. Там уже на тракт Сибирский ступили».

Почему так, а? Вот почему на очевидные вроде вещи именно так глаза открываются? Пистоль этот адамсовский, фузея у грабителей... И губернатора такого — Лерхе Германа Густавовича — в родном Томске что-то не припоминалось. И либо заслался я немножечко не в тот мир, в котором почти шестьдесят лет коптил воздух. Либо в совсем уж дремучее прошлое сподобился провалиться. Такое, что Транссибом тут еще и не пахнет. Чудны дела твои, Господи!

Прежде чем, постоянно оступаясь и спотыкаясь, в щегольских кавалерийских сапожках-то на каблучке — не мудрено, показалось, что

из-за окраин по-хозяйски расположившегося в новом теле разума, послышалось язвительное хихиканье выставленного из «дома» пассажира. Пользуется, гад, что невозможно прижать ему ко лбу холодный ствол сорокового калибра да поспрашивать...

А у татя — сам Бог велел. И ножик его не напугал. Ноги-то все равно мертвой лошадыю к земле придавлены — куда он денется с подводной лодки. В Барабинской степи.

— Какое сегодня число? — любезно поинтересовался я, останавливаясь четко на той линии, куда грабитель уже клинком не дотягивался. Полюбовался на выпученные от удивления глаза и продемонстрировал свой единственный аргумент. Был соблазн прострелить гаду чего-нибудь не столь уж важное для жизни, но пуля-то последняя оставалась. Пришлось наступить на горло собственной песне.

— Девятнадцатое, — скривил губы так, что нечесаная бороденка забавно встопорчилась.

— Поди и месяц знаешь?

— Здоровенько же ты, барин, тезоименитство справил. Что и дни спутались... Февраль-жошь. Долгонько до весны ище...

— Девятнадцатое февраля... Ну ты, любезный, мне прямо глаза раскрыл... Начал так хорошо, так досказывай.

— Глумишься? — выплюнул неудачливый грабитель с самой большой в здешних краях дороги. — Погоди уж. Погоди! До Караваява весть долетит, уж он на тебя посмеется. Все тебе припомнит. За каждую капельку кровушки, что людишки евояные пролили, спросит...

— Ага, — обрадовался я. Отчего-то совершенно не верилось в этикие совпадения. Ехал себе одинокий губернатор Московским трактом, никого не трогал. Да вот перепутали его с купчиной каким-то и уморить вздумали. Бред?! Бред, однозначно. — А Караваяв-то у нас кто?

— Тебе ли не знать, жидовская твоя морда, — вскинулся татя.

— Да уточнить хотелось бы... И отчего же я жидовская морда, тоже? На немчинскую — еще буду вынужден согласиться, ибо правда. А с жидами, уж прости, ничего общего не имею.

— Че, правда?

— Побожился бы, да вера моя лютеранская. Нам не положено. Но мы отвлеклись. Давай-ка вернемся к личности нашего Великого и Ужасного Караваява.

— Небось память возвертаться принялась? Запужался? Коллежский секретарь — это тебе не фунт изюму. Ужо он тебе покажет. Большой человек в округе! То-то покрутисся у него, купчина...

Не врал. Чувствовал. Полуобнаженной душой, едва обретшей новое пристанище, знал — сам себе верил этот придавленный жизнью и дохлой кобылой человек. Искренен был в этих смешных угрозах. Вот только мог и не знать всего. Чего уж проще, отправить на большак тройку ничемных лихих людишек пощипать еврейского торговца. А если, конечно же — случайно, обознались и убили нового правителя губернии, так не спокойно на дорогах. Шалят-с.

— Ну ладно, — вежливо попрощался я с джентльменом удачи. — Потороплюсь, пожалуй. Нельзя заставлять уважаемого человека ждать. До округа поди путь не близкий еще.

— Эй, ты чего? — обиделся грабитель. — А меня спод животного вытягивать как же?

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? Нешто так и оставишь душу христианскую на дороге помирать?

— Конечно, — кивнул я. — Ты, когда в меня с фузеи стрелял, о душе думал? А я тебе время даю. Пока морозец насмерть не прихватит, с десяток молитв прочесть успеешь...

Не хотелось больше с ним разговаривать. И слушать его вопли не хотелось. Желание было вытряхнуть из глубин такого уже своего тела остатки духа этого Лерхе, прихватить за горло да спросить: что такое он этому Зорро томского разлива успел наделать, что тот на нас охоту объявил.

«Неведом мне никакой коллежский секретарь Караваев. Я и в Каинске-то не был ни разу, — немедленно откликнулся напуганный моей яростью туземец. — Спутали лиходеи. На другого человека засада была».

Дай-то Бог. Дай Бог.

Впрочем... Все может быть. Нужно же было Ему как-то освободить такое уютное тело для меня. Пролети пуля на дюйм правее, и одним Германом Густавовичем на свете стало бы меньше. И пришло бы мое время. Да только поторопился я. Пораньше решил вселиться. Терпения не хватило. Терпения и смелости.

А возница молодцом оказался. Покряхтывал, да за вожжи крепко держался. И, похоже, о дырке в тулупе больше переживал, чем о ране в спине. И слуга мой не промах. Пока я с татем общался, успел и раненого перевязать и в карете порядок навести, и дыры в стенках заткнуть.

— Снаряди, — бросил я Гинтару не нужный больше пистоль и полез на облучок. Где-то далеко сзади оставались кони двоих менее удачливых «братьев», и не следовало их оставлять волкам на поживу. Да и личности злыдней были мне интересны. Чем черт не шутит, вдруг на их телах документы какие-нибудь остались. И деньги. А на деньгах — даты. Пассажиры-то мой пока сотрудничать отказывался. — Показывай, герой, за что тянуть, чего дергать. Разворачивать будем. Едем трофеи собирать.

И ничего сложного. Почти как в сказке про Красную Шапочку. Потянешь за веревочку, дверь... в смысле, коняга и повернет. Дорога только для моих маневров узковата оказалась, пришлось еще и задний ход осваивать. Но, благо полозья широкие — вырулили.

Правда, был один неприятный момент. Мы как раз боком поперек дороги уже стояли, а тут выстрел! Честно скажу, первой мыслью было — что не добил я кого-то из лихих людишек. Тот догнать нас и сумел. А я револьвер слуге отдал... Жутко стало и неудобно. Очень уж возвращаться не хотелось.

Хорошо, быстро разобрались. Это мой седой спутник по путешествию «во глубину сибирских руд» решил таким образом последний в барабане патрон разрядить. И не пожалел же пороха с пулей. И перетрудиться не побоялся. Прошагал, скрипя коленями к придавленному лошадью татю, и влил ему пулю точнехонько между глаз. И «Ruhe in Frieden» не забыл сказать. Вот она, германская скрупулезность. Хозяин намусорил — слуга прибрал. Потом пошел пистоль перезаряжать. Неужели я в средневековье попал?

Где-то читал, что на средневековой одежде карманов еще не было. У меня вообще с историей не особо. Историю КПСС знаю — на рассвете разбудите с глубочайшего бодунища — решения любого съезда от зубов отскочат. А вот с временами дореволюционными уже много хуже. Так. Пару вех и помню. Петр, Транссиб, русско-японское позорище и последовавшая за ним революция. Броненосец «Князь Потемкин Таврический»... А! Первая мировая война. А потом в памяти только Троцкий с Каменевым и Бонч-Бруевичем. Но ведь что-то же было. Как-то же люди жили, что-то делали. Наверняка и войны какие-то были. В фильме про турецкий гамбит так вообще все по-взрослому... Только вот — когда это было? И было ли уже в этом мире?

Однажды попала в руки дешевая книжонка. Отправлялись в Новосибирск. Туда Сам должен был прибыть, ну и всех окрестных губернаторов повидать изъявил желание. Понятное дело — хочешь не хочешь, бросай все дела и беги с выражением бесконечного счастья на лице. Начало марта было. Мартовские морозы самые злые. Трассу так перемело, что армейский грейдер с парой тягачей к мерседесу в придачу нужно было брать. А самолет у МЧСников просить как-то... невместно. Шепнут «добрые» люди, мол, жирует плесень на бюджетные. Пришлось по старинке, на паровозике. Пять часов невкусного чая из пакетиков и той бестолковой книжонки. Ну не в окно же пялиться. Чего я там не видел? Всю жизнь в Сибири...

Картинок в брошюрке не оказалось. Пришлось доставать очки и читать. Потом даже захватило. Про царевича оказалась. Сына какого-то из царей по имени Александр. Но не Македонского — точно. Тот греком вроде был. А этот наш, расейский. Царевича Николаем звали. Николай Александрович вроде. Только императором он так и не стал. Поехал в Европу — к принцессе какой-то с трудно выговариваемым именем свататься, да и так, проветриться. Мир посмотреть, себя показать да деньгой потрясти. Типо, вот мы какие, медведи российские, богатые да образованные. А папаша его, незадолго до вояжа того, в Польше бунт усмирлял. Вроде много крови пролил, но в нужное положение провинцию поставил. Оказывается, Польша-то большей частью в Империю входила. То-то они в двадцать первом веке с нами через губу разговаривали — не понравилось ей с медведем сожительствовать.

Ну, так вот! Тот царевич пока по заграницам мотался, задумали злые польские террористы наследника престола извести. В отместку, так сказать, за кровь братьев по революционной борьбе. Только просто пару пуль

из снайперки в затылок или шахидку с пластидом под юбкой подослать в те наивные времена не комильфо было. Российская Империя хоть и вся в долгах, как в шелках была, а бабло на армию-то почти в два миллиона штыков находила. Шлепнешь в каких-нибудь Парижах сыночку, а батяня обидится ненароком да и полки двинет. Парижцы носом всю парижию переруют да злодея и отыщут, чтоб перед огорченным папашей себя обелить. Так вместо праздничного банкета по поводу успешной ликвидации видного политического деятеля конфуз мог получиться с зеленкой во весь лоб. Вот и решили злодеи тихонько сынулю травануть. По чуть-чуть гадости какой-то химической в пищу добавлять. Ее как много в организме накапливается, так жутко неприятно сразу становится. Вплоть до летального исхода.

В свите, ясно дело, и доктор присутствовал. Только знали героические борцы за самостийную Польшу, что доктором тот товарищ был, а вот врачом — нет. Туповатый, одним словом. Так он пациента своего единственного и протупил. Николай свет Александрович даже в Ниццу лечиться было поехал, а там из всех болезней только абстинентный синдром остался, по себе знаю. И то не помогло. Прямо оттуда и отъехал в сторону дома вперед ногами. Жаль было царевича. Ярко автор его описывал. Может быть, кои-то веки у страны нашей добрый хозяин бы образовался...

Долго я еще под впечатлением от книжицы той находился. Даже чуть было Владимира Владимировича Александром Николаевичем не назвал. Так папашу несчастливого наследника величали. И тогда на дороге именно она мне вдруг вспомнилась. Когда, судя по цвету, бронзовые монетки с профилем государя императора Александра II Освободителя разглядывал, из карманов дохлого татя добытые.

На самой молодом из ржавого цвета кругляков значился 1861 год. А, если я правильно помнил, преступный инцидент в отношении Его Императорского высочества случился только в шестьдесят пятом. Вот и вышло, что парнишка-то жив был еще!

Еще какая-то мысль крутилась в голове. Чем-то еще был тот, шестьдесят первый год знаменит... Только вот очень трудно вспомнить то, чего, может быть, и не знаешь. И Гера — пассажир, придавленный моими припоминаниями сюжета той книжицы, подсказывать отказывался. Тоже мне, помощник, прости Господи...

— Вы б, барин, за кушаком поглянули, — отвлек меня от тяжелых раздумий на ледяном ветру скрюченный на одну сторону возница. — У татей могут и ассигнации водиться...

— Как звать?

— Так-то Евграфом кличут, — подозрительно прищурился раненый.

— Гинтар?

Лицо старого слуги тут же появилось в приоткрытой двери. Надо же, услышал! Я вроде и звал не громко.

— Ты осматривал рану Евграфа. Он способен донести нас до станции? Или лучше будет поместить его в экипаж?

— Er ist kräftig genug, dieser Russe. Kann weiter fahren.